УДК 347.78.034

Художественный перевод: мастерская переводчика

Миронова Елена Анатольевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, г. Ульяновск, Россия

Георгиев Красимир¹,

директор издательства «Флорир», поэт, писатель, переводчик, г. София, Болгария

Аннотация. Авторы приглашают читателя к обсуждению некоторых проблем перевода, которые будут актуальны, пока существует более чем один язык. Задаче поиска и систематизации наиболее сложных сторон и «секретов» профессии переводчика, а также проблем перевода посвящена данная работа. Статья выстроена вокруг диалога ее авторов: приводится билингвальный текст ответов болгарского писателя и переводчика на вопросы доцента университета, кандидата филологических наук.

Ключевые слова: художественный перевод, близкородственные языки, виды словарей, переводческий комментарий, исторический фон, редактор и переводчик.

Literary Translation: Translator's Workshop

Mironova Elena A.,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Romano-Germanic Languages, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russia

Georgiev Krasimir,

Director of the Publishing House „FLORIR“, poet, writer, translator, Sofia, Bulgaria

Abstract. The authors invite the reader to discuss some of the problems of translation studies. This article, which is built around the dialogue of its authors, is devoted to the task of searching and systematizing the most difficult sides and “secrets” of the translator’s profession. The article itself is a bilingual text including the answers of the Bulgarian writer and translator to the questions of the associate professor (Ulyanovsk State Pedagogical University).

Keywords: literary translation, closely related languages, types of dictionaries, translation commentary, historical background, editor and translator.

Предисловие. Любые научные концепции должны опираться на наблюдаемые факты реального переводческого процесса, а также объективно обобщать эти факты и

1. Красимир Георгиев – автор переводов: «Граница на ветровете» (1969г.), «Капан ми подарете» (1993г.), «Сага за самотници» (1995г.), «Емисар» (1996г.), «Любов в езерото на прокажените» (2004г.), «Тунелът» (2008г.), «Двустиишиа на Красимир» (2010г.), «Пътеводител към рая» (2011г.) и др.

рационально их объяснять. Иными словами, теория перевода тесно связана с переводческой практикой и опирается на нее. В то же время научная теория оказывает собственное влияние на работу переводчиков, обогащая ее методикой и знаниями, облегчает их труд. Связь между практикой перевода и его теорией, как правило, имеет сложный и опосредованный характер. Любое расширение имеющихся у нас знаний о реализуемых в действительности процессах представляет собой несомненную ценность [Теория и наука перевода 2018].

Освещению некоторых наиболее сложных сторон и «секретов» профессии переводчика посвящена данная статья, в основу которой положен диалог авторов: российского преподавателя педагогического университета и профессионального переводчика из Болгарии. Объект исследования – литературный перевод. Предмет исследования – сложные и проблемные моменты в работе переводчика художественных текстов. Осмысление заявленных проблем происходит на двух языках: русском и болгарском. Ответы К. Георгиева на вопросы Е. А. Мироновой приводятся сначала на русском языке (отредактированный перевод К. Георгиева), а потом на болгарском языке.

Введение. Профессия переводчика стала необходимой в результате общения между народами и является одним из древнейших видов профессиональной деятельности. Благодаря переводам современный читатель в каждой стране имеет огромную библиотеку мировой литературы. Переводчик, выбрав для себя эту профессию, должен всю жизнь через язык пополнять свои знания об истории и культуре народа, с которым он решил связать свою профессиональную деятельность. Переводоведение как наука о переводе – это всегда результат опыта, система теоретических обобщений и фактов. Однако возраст теоретической основы переводоведения сравним с кибернетикой и генетикой, когда в результате информационного взрыва после Второй мировой войны произошел и «переводческий взрыв» [Комиссаров 2001:25].

Наука о переводе представлена сегодня многочисленными направлениями, течениями и школами. В англоязычной научной литературе наиболее известны труды: [Hermans 1999; Weissbort, Eysteinssohn 2006; Venuti 1994; Osers 1998; Bly 1983], в России: [Левый 1974; Модестов 2006; Федоров 2002; Флорин 1983; Комиссаров 2001]. Специализированные научные журналы, например «International Journal of English Language and Translation Studies», «Translation and Interpreting Studies» и другие, ежегодно публикуют сотни статей, посвященных проблемам переводоведения.

Основная задача любого переводчика – наиболее полная передача информации, содержащейся в том или ином тексте. При этом принято различать два основных функциональных вида перевода: художественный (литературный) и собственно информативный (нелитературный) перевод.

Объектом нашего рассмотрения будет художественный перевод, т.е. перевод художественной литературы. Основная задача переводчика художественных текстов – передать художественно-эстетические достоинства оригинала. Для достижения этой цели переводчик художественного текста более свободен в выборе средств, чем переводчик «информативных» текстов.

Значительный вклад в становление теории художественного перевода внесли чешский филолог И. Левый («Искусство перевода» [Левый 1974]) и болгарские авторы С. Влахов и С. Флорин («Непереводимое в переводе» [Влахов, Флорин 1980] и «Муки переводческие» [Флорин 1983]). Мэтр отечественного переводоведения А. Ф. Федоров отмечает, что для постановки и решения теоретических вопросов И. Левый оригинально и успешно использовал выработанные пражской лингвистической школой категории,

основанные на функциональном подходе к языковым явлениям и к фактам языка литературы. Материал «международного варианта» книги [Levy 1974], в отличие от ее чешского издания, обширен и разнообразен. Он почерпнут из различных переводов с западноевропейских языков на славянские, в том числе на русский, и со славянских на западноевропейские. Картина, изображающая общее состояние искусства перевода (преимущественно современного), получилась весьма полной [Федоров 2002: 151–152]. «Авторское предисловие к книге С. Влахова и С. Флорина «Непереводимое в переводе» (М., 1980) озаглавлено «И непереводимое переводимое», а вся книга – не что иное, как поиски (при том большей частью успешные) и систематизация реально возможных (как в словаре, так и в тексте перевода) соответствий «непереводимым» единицам другого языка ...» [Влахов, Флорин 2008].

Проблемам художественного перевода посвящены многочисленные монографии и статьи в научных журналах [Модестов 2006; Allén 1999; Bassnett 1998; Boase-Beier 2009; Folkart 2007; Holmes 1988; Honig 1985; Jones 2011; Koster 2000; Landers 2001; Lefevere 1975; Weissbort 1989]. В данной статье в режиме диалога обсуждаются не утратившие актуальности и не получившие однозначной трактовки «старые» вопросы переводоведения.

В рамках статьи обсуждаются следующие проблемы художественного перевода: **(1)** перевод в случае близкородственных языков; **(2)** тонкости профессии переводчика; **(3)** отношение «автор – переводчик – читатель».

(1) Современный болгарский и русский языки относятся к славянской группе индоевропейской языковой семьи. С точки зрения возможности понимания текста болгарский язык – один из самых доступных для русистов. Старославянский язык – древний литературный язык славян – на территории Болгарии в течение нескольких веков выполнял функцию литературного языка. Современный болгарский литературный язык сложился довольно поздно – в XIX веке. Определенное воздействие на формирование норм современного болгарского литературного языка оказал также русский язык. Современная болгарская графика создана на основе русской «гражданской» азбуки, которая представляет собой латинизированное по форме древнее кириллическое письмо. Но с точки зрения лингвистической теории болгарский язык довольно сильно отличается от русского языка. Среди типологических особенностей грамматики современного болгарского литературного языка выделим некоторые: 1) *аналитическое выражение синтаксических отношений имени*: существительное, прилагательное, числительное вообще не изменяются по падежам, а падежная система местоимений сильно сокращена. Синтаксические отношения выражены через служебные слова, в основном через предлоги; 2) имя располагает грамматической категорией определенности (*артикл*); 3) у глагола *утрачен инфинитив*, сохраняется архаическая разветвленная система личных временных форм; 4) личные местоимения употребляются реже, чем в русском. Совершенно нормальным считается их *опущение в 1-м и 2-м лицах*, где личное окончание четко указывает на грамматический субъект; 5) в основе словарного состава современного болгарского языка лежит лексика общеславянского происхождения. Поэтому многие болгарские слова более или менее точно совпадают с соответствующими лексемами русского языка. Однако употребительная лексика нейтрального стиля: *глава, око, чело, уста* – примеры архаизмов для русского языка

Эти особенности отличают болгарский язык от остальных славянских языков и сближают с соседними неславянскими языками: румынским, албанским, новогреческим и турецким [Норман 1980: 7–8]. Поэтому переводчику, несмотря на кажущуюся близость

двух славянских языков, бывает порой очень трудно достичь адекватности в переводе. Особенно трудно переводить стихи, где нужно соблюсти и ритм, и рифму.

«...Специфической и по большей части неизбежной чертой рифмы в переводной поэзии является её относительно менее тесная связь с идейной композицией стихотворения. Редчайший случай – чтобы в языке перевода нашлись два созвучных слова, отвечающие по значению рифмующейся паре в подлиннике, и чтобы рифмой можно было подчеркнуть и связать те же семантические единицы, что и в оригинале; обычно такая благоприятная ситуация складывается при переводе с близкого языка...» [Левый 1974:242].

Вопрос: Можно ли отнести русский и болгарский языки к близким языкам с точки зрения переводимости?

Ответ: Русский и болгарский языки очень близки: они имеют общую историю, многовековые контакты, духовные и письменные влияния. Являясь индоевропейскими языками восточно-славянской и южно-славянских групп, они сохранили свою славянскую лексическую основу и структуру. На сегодняшний день староболгарский язык, который является самым ранним документированным славянским языком, с незначительными исключениями остается каноническим языком православного славянства. В течение веков словарный фонд, принципы словообразования и литературный стиль старовеликорусского, старорусского и литературного русского языка находились под влиянием староболгарского языка, который под русской редакцией до конца XVII века являлся официальным языком в России. И наоборот, новоболгарский литературный язык находится под сильным влиянием русского, особенно современного литературного русского языка, берущего свое начало со времен Александра Пушкина. Близость языков позволяет переводчику легче ориентироваться в ритмичных, звуковых и словарных альтернативах, легче находить стилистический ключ к переводу.

Отговор: Руският и българският са много близки езици, имат обща история, многовековни контакти, духовни и писмени влияния. Индоевропейски езици от източнославянската и южнославянската група, те са запазили славянската си лексикална основа и структура. Старобългарският език, който е най-ранният писмено документиран славянски език, с малки изменения и до днес е каноничният език на православно славянство. През вековете речниковият фонд, принципите на словообразуване и литературният стил на старовеликоруския, староруския и книжовния руски език са повлияни от старобългарския език, който с руската си редакция до края на XVII в. е официален език в Русия. И обратно, новобългарският книжовен език е повлиян силно от руския, особено от съвременния литературен руски език, водещ началото си от времето на Александър Пушкин. Преводачът е улеснен от близостта на двата езика, по-бързо се ориентира сред ритмичните, звуковите и словарните алтернативи, по-лесно открива стилистичния ключ за превода.

«...Согласно общепринятым теоретическим установкам, прочтение, а следовательно, и транскрипция всех имён должны быть как можно ближе к выговору их на соответствующих языках. И, может быть, следует отметить, что в болгарской литературе этого правила придерживаются намного строже, чем в русской...» [Флорин 1983:21].

Вопрос: Почему дела обстоят именно так? Вспоминаете ли Вы такие случаи в Вашей переводческой практике?

Ответ: Пример перевода имен с русского на болгарский находим в переводе рассказа Антона Чехова «Лошадиная фамилия». В рассказе перечислены 40 «лошадиных» фамилий, для которых болгарский переводчик находит соответствующий словообразующий аналог: Кобылин – Кобилин, Конявский – Конявски, Копытин – Копитин, Лошадников – Конярски,

Уздечкин – Юздечкин, Табунов – Чердов, Пристяжкин – Логоев, Лошадинский – Конски и пр. В русском языке есть буквы Э и Ы, которые не существуют в болгарской азбуке, а болгарская буква Ъ имеет другую звуковую функцию в русском языке. Это привело к утверждению стереотипов при переводе имен. Так, русское имя Александр переводится на болгарский как Александър, а болгарское имя Емилия переводится на русском как Эмилия, русская фамилия Федорин переводится как Фьодорин, а Высоцкий утвердил себя в Болгарии как Висоцки. При переводе имен, включенных в состав народных пословиц и поговорок, если отсутствует фразеологический эквивалент, разрешен и более свободный перевод: например, русская поговорка «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день» переводится на болгарский язык как «Те ти, булка, Спасов ден». В транскрипции и орфографии имен авторов переводимых произведений болгарские литераторы обычно следуют традиционно широко распространенным вариантам перевода, тем, которые более всего соответствуют современным принципам транскрипции, или же придерживаются знакомой и общепринятой формы. Конечно, в каждом языке есть и случаи двух и более вариантов одного и того же имени, которыми названа одна личность или называются разные личности.

Отговор: Пример за превод на имена от руски на български намираме в превода на разказа на Антон Чехов «Лошадиная фамилия». В разказа са изброени 40 «конски» фамилии, за които българският преводач намира съответен словообразователен аналог: Кобылин – Кобилин, Конявский – Конявски, Копытин – Копитин, Лошадников – Конярски, Уздечкин – Юздечкин, Табунов – Чердов, Пристяжкин – Логоев, Лошадинский – Конски и пр. В руския език има букви като Э и Ы, които не съществуват в българската азбука, а българската буква Ъ има друга звукова функция в руския език. Това е позволило утвърждаването на стереотипи при преводите на имена. Руското име Александр се превежда на български като Александър, а българското име Емилия се превежда на руски като Эмилия, руската фамилия Фёдорин се превежда като Фьодорин, а Высоцкий се е утвърдил в България като Висоцки. При имената, включени в състава на народни умотворения и поговорки, при липса на фразеологичен еквивалент е позволен и по-свободен превод: руското «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день» например се превежда на български като «Те ти, булка, Спасов ден». При транскрипцията и изписването на имената на авторите на превежданите творби българските литератори обикновено следват традиционно широко разпространените варианти на превода. Да, понякога пред преводача стои дилемата дали да даде нов вариант на превода, по-близък до съвременните принципи на транскрипцията, или да остави вече познатата и общоприета форма. Разбира се, във всеки език има и случаи на два и повече варианти на едно и също име, с които се назовава една личност или се назовават различни личности.

(2) «...Как-то, раздумывая о процессе переводческой работы, я наметил три чётких для меня этапа: 1. Установление эквивалентов всех вкраплённых в текст оригинала неизвестных понятий из всевозможных специальных областей знания и умения. 2. Полное понимание переводимого произведения со всеми тонкостями выразительных средств, использованных автором. 3. Воссоздание произведения на языке перевода...» [Флорин 1983:55].

Вопрос: Совпадают ли этапы Вашей переводческой работы с этапами, выделяемыми С. Флориным? Если нет, то какие периоды могут быть выделены в Вашей работе?

Ответ: Совпадают!

Отговор: Съвпадат!

«...Исходя из этой предпосылки (способности чувствовать язык подлинника), второе правило – стараться понять каждое слово, каждое выражение в этом подлиннике прежде всего

на его собственном языке, то есть пользуясь толковыми и прочими одноязычными словарями». «...А как переводчика с русского опыт научил меня, работая над старыми авторами, ...– советовать в трудных местах не с Ожеговым и Ушаковым и не с 4-х или 17-титомным словарём русского языка, а с Владимиром Ивановичем Далем...» [Флорин 1983:61].

Вопрос: К каким словарям обращаетесь в своей работе Вы?

Ответ: В моей переводческой практике я использую пятое издание «Русско-болгарского словаря» составителя Савы Чукалова 1975 г. Словарь содержит 50 000 слов и обычно «отвечает» на мои вопросы. Конечно, когда речь идет о переводе древнерусских текстов или произведений поэтов прошлых веков, тогда очень полезным оказывается «Толковый словарь живого великорусского языка» (на болгарском «Тълковен речник на живия великоруски език») Владимира Даля.

Отговор: При моята преводаческа практика ползвам пето издание на «Русско-болгарский словарь» на съставителя Сава Чукалов от 1975 г. Речникът съдържа 50 000 думи и обикновено «отговаря» на моите въпроси. Разбира се, когато става дума за превод на древноруски текстове или на творби на поети от предишни векове, много полезен е «Толковый словарь живого великорусского языка» (на български «Тълковен речник на живия великоруски език») на Владимир Дал.

«...переводчик должен быть знаком с географией (и топонимией), историей, литературой, достижениями искусств, бытом, обычаями и привычками, и даже с жестами народа, чью литературу переводит, чтобы не вышло в переводе так, что болгарин, качая головой, возражает, когда он, в сущности, соглашается...» [Флорин 1983:109].

«...очень часто попадаете много уже совсем старое забытое и в стране подлинника ... А переводчики, во многих случаях, по освященному не годами, а веками правилу, стараются переводить всё так, как оно есть в оригинале, очень часто не считаясь со знаниями будущих читателей, да и сами не задумываясь над непонятными намёками и недомолвками... сознательно или подсознательно переводчик должен учесть, что поймёт и чего не сможет понять новый иноязычный и иновременный для оригинала читатель, преодолеть ценою наименьших жертв барьеры места, времени, различий в образе мышления и, оставаясь верным автору, перенести его произведение в физический и духовный климат другого языка (места и времени)...» [Флорин 1983:132-133].

Вопрос: Ваше отношение к данной проблеме?

Ответ: Да, в языковой «кареете» и с помощью метричной эстетики переводчик должен «перенести» произведение в новый, но подобный физический и духовный мир, на другое место и в другое время, оставаясь верным автору. А чтобы он добился успеха, ему необходимо иметь высокую общую культуру.

Отговор: Да, с каретата на езика и метричната естетика преводачът трябва «да пренесе» творбата в нов, но подобен физически и духовен свят, на друго място и в друго време, но оставайки верен на автора. А за да успее, трябва да има висока обща култура.

(3) *«...Однако, оригинал стареет – язык развивается: в нём наступают разные лексические, морфологические, синтаксические и прочие перемены. Читать его становится труднее, но подлинник не подлежит изменению – в противном случае он потеряет свою подлинность!...» [Флорин 1983:132-133].*

«...Перевод тоже устаревает...Изменяются и требования читателей к переводу и переводчикам...Работая над любым произведением и стараясь передать замысел, стиль и другие достоинства подлинника, переводчик повинуетя (порою совсем бессознательно) не только законам грамматики и переменам в лексике, но и требованиям читателя своего времени...» [Флорин 1983:134].

Вопрос: Как Вы относитесь к переводческим комментариям? Где их место: на странице, в конце книги? Какова Ваша собственная практика комментирования?

Ответ: Жизнь развивается, язык развивается, поэзия тоже развивается. С течением времени лирика меняет взгляд на нас, меняется ее музыкальный и психологический эффект. Ведь слово *лирика* происходит от музыкального инструмента лира? Много веков тому назад понятие лирики заключало в себе поэтический текст, музыку и танец, взятые вместе. В ритуалах, посвященных богам... А переводческие заметки и объяснительные комментарии, если не слишком длинные, по моему мнению, должны быть под ремаркой на странице произведения; но есть случаи, когда более обстоятельные комментарии, например, в случае с параллельной презентацией тематической или другой хронологии, редактор может вынести в конец книги.

Отговор: Животът се развива, езикът се развива, поезията също се развива. С времето лириката променя погледа си към нас, променят се музикалният и закланателният ѝ ефект. Нали думата лирика идва от музикалния инструмент лира? Преди много векове понятието лирика е включвало в себе си поетичен текст, музика и танц, взети заедно. В ритуали, посветени на боговете... А преводаческите бележки и обяснителните коментари, ако не са много дълги, според мен трябва да са под ремарка на страницата с творбата, но има случаи, когато при по-обстойни коментари или за паралелно представяне на тематичната или друга хронология редакторът може да ги изнесе в края на книгата.

«...Потому что редактор – очень опасная личность, и это известно мне по собственному опыту: ведь я уже более двадцати пяти раз был редактором!

... я бы высказал другую, думаю, бесспорную мысль, - что редактор всегда произвольно соперник переводчика!

...всё-таки переводчик, как говорится, “хозяин” перевода и редактор должен помнить, что по правилам игры последнее слово всегда остаётся за переводчиком ...» [Флорин 1983: 158-159].

Вопрос: Вы и переводчик, и редактор, и директор издательства. Как вы поступаете при работе с переводчиками?

Ответ: Редактор и переводчик должны быть единомышленниками. Если это необходимо, пускай «скрещивают шпаги» своих мнений, но в конечном итоге они должны найти лучшее решение. Пожалуй, добавлю, что все зависит от профессионального уровня автора и переводчика. Через мои руки редактора и директора издательства прошли десятки книг высококачественных мировых авторов. В 1993 году, когда я выпустил книгу мастера афоризмов Станислава Йежи Леца «Нерасчесанные мысли», у нас было много споров с переводчиком Георгием Асьовым, потому что почти каждый афоризм имел и свой второй, даже третий смысловой слой. В 1994 году, когда я выпустил антологию мировой сатирической поэзии «Смейся, палач!» (куда были включены произведения многих русских поэтов, таких как Дмитрий Хвостов, Василий Капнист, Василий Пушкин, Николай Карамзин, Александр Пушкин, Александр Измайлов, Петр Вяземский, Иван Дмитриев, Евгений Баратынский, Николай Некрасов, Алексей Жемчужников, Михаил Михайлов, Саша Чёрный, Евгений Виенский, Петр Потемкин, Николай Агнивцев, Валентин Горянский, Владимир Маяковский и др.), мы ожесточенно спорили с переводчиком Радоем Ралиным, который является одним из самых великих, знаковых болгарских сатириков. Опять же, в 1994 году, когда я выпустил в свет книгу большого польского публициста Ришарда Капушчинского «Империя», мы работали над переводом на болгарский с очень талантливой переводчицей Благовестой Лингорской, и с самим Капушчинским. И так далее на протяжении многих лет...

Отговор: Редакторът и преводачът трябва да са съмишленици. Ако се налага, нека преплитат сабите на мненията си, но в крайна сметка да достигнат до по-доброто решение. Е, допълваме, че всичко зависи и от професионалното ниво на автора и преводача. През ръцете ми като редактор и директор на издателство са минали десетки книги на стойностни световни автори. През 1993 г., когато издадох книгата на майстора на афоризмите Станислав Йежи Лец «Невчесани мисли», имахме доста спорове с добрия преводач Георги Асьов, защото почти всеки от афоризмите имаше и свой втори, дори трети смислов пласт. През 1994 г., когато издадох антологията на световната сатирична поезия «Смей се, палачо!» (в която бяха включени творби на много руски поети като Дмитрий Хвостов, Василий Капнист, Василий Пушкин, Николай Карамзин, Александър Пушкин, Александър Измайлов, Пьотр Вяземски, Иван Дмитриев, Евгени Баратынский, Николай Некрасов, Алексей Жемчужников, Михаил Михайлов, Саша Чорни, Евгени Виенски, Пьотр Потьомкин, Николай Агнiewicz, Валентин Горький, Владимир Маяковский и др.), имахме жестоки спорове с преводача Радой Ралин, който е един от най-големите, знакови български сатирици. Отново през 1994 г., когато издадох книгата на големия полски публицист Ришард Капушчински «Империята», работехме над превода на български и с много добрата преводачка Благвеста Лингорска, и със самия Капушчински. И така нататък във времето...

«...Но чтецы часто читают стихотворения так же, как смотрят в галерею картину: заглядывают в каталог, ища название, чтобы уяснить себе только, “о чём это”. Мысль у них направлена лишь на событие или сюжет, описанный в стихах, или на драматическую коллизию. Люди, которые так читают стихи, разрушают мелодию стихотворения, таким людям нечего и пытаться читать что-либо, кроме прозы...» [Левый 1974:342].

Вопрос: Существует ли, на Ваш взгляд, проблема роли чтеца стихов? Как донести до современника стихи прошлого века? Есть ли возраст у стихов, ведь есть понятие «устаревшая лексика»?

Ответ: Конечно, роль чтеца поэзии важна. Если чтец не проникнется ритмом, если не почувствует смысловых узлов поэтического произведения, стихотворение дойдет до слушателей неполноценным. Тот, кто не умеет читать поэзию, не должен читать поэзию. Ко второй части вопроса. Всё имеет свой возраст. И стихотвория тоже. Если размышлять над вопросом о лексике поэтических произведений прошлых веков, может быть нужно будет провести условную линию. Если говорить о поэтах XVIII – XIX вв., редактору хорошо было бы ограничить свое вмешательство по «осовременению», а переводчику лучше воспользоваться множеством дошедших до нас семантических, фонетических, морфологических и лексических архаизмов или же устремиться к богатым горизонтам общеславянской лексики. Если говорить о поэтах XI – XVII вв., таких, например, как Иларион Киевский, Даниил Заточник, Максим Грек и Иван Грозный, в этом случае специалисту полезно знакомиться с оригиналом, но для массового читателя к оригинальному произведению или к переводу должна быть приложена литературная адаптация: древний текст должен быть осовременен, по возможности с помощью церковнославянской лексики.

Отговор: Разбира се, ролята на четеца на поезия е важна. Ако четецът не влезе в ритма, ако не усети поетичните възли на творбата и не набегне на поантата, стихотворението ще стигне до слушателите обрнуло. Който не умее да чете поезия, не трябва да чете поезия. Към втората част на въпроса – всичко си има своята възраст. И стихотворенията. Ако размишляваме над темата за лексиката на поетични творби от предишни векове, може би ще трябва да поставим една условна черта. Ако говорим за поети от XVIII – XIX в., добре е редакторът да ограничи своите «осъвременителни» намеси, а

преводачът да се възползва от многото достигнали до нас семантични, фонетични, морфологични и лексикални архаизми или от богатия хоризонт на общославянската лексика. Ако говорим за поети от XI – XVII в., например Иларион Киевски, Даниил Заточник, Максим Грег и Иван Грозни, за познавача е добре да хвърли поглед на оригинала, но за масовия читател към оригиналната творба или към превода трябва да е приложена и литературна адаптация, осъвременяване на древния текст, по възможност с помощта на църковнославянската лексика.

Вместо заключения. Конечно, трудно не согласиться с утверждением, что даже самый хороший перевод художественного текста все-таки уступает оригиналу. Но представители переводоведения, – ученые, а также писатели и поэты, то есть те, кто считают перевод наукой, и те, кто относит его к искусству, – все они напряженно ищут пути и способы совершенствования перевода. И если им удастся обнаружить новую закономерность, найти удачное решение, построить эффективную модель, это увеличивает возможности каждого из нас приобщаться к культуре других народов, а значит, открывать для себя новые миры.

В заключение хочется привести слова поэта и переводчика А. Тарковского: *«Какая радость открыть для читателя новое прекрасное произведение поэзии! Воспроизвести его на своем языке с возможной верностью подлиннику!»* [цит. по: Модестов 2006: 136].

Источники и литература:

1. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 343 с.
2. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2001. 424 с.
3. Левый И. Искусство перевода. М.: Прогресс, 1974. 397 с.
4. Модестов В. С. Художественный перевод: история, теория, практика. М.: Издательство Литературного института им. А. М. Горького, 2006. 463 с.
5. Норман Б. Болгарский язык. Минск, 1980. 288 с.
6. Теория и наука перевода. // РЧЦ МО. [Электронный ресурс]. // URL: http://rfcmd.com/index.php?option=com_content&view=article&id=1946:theory&catid=60:translatemetodics&Itemid=61 (дата обращения 08.08.2018).
7. Федоров А. Ф. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для ин-тов и фак-тов иностр. языков. Учеб. пособие. 5-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.:ООО Издательский Дом «Филология три», 2002. 416 с.
8. Флорин С. Муки переводческие. М., 1983. 184 с.
9. Allén S. Translation of Poetry and Poetic Prose: Proceedings of Nobel Symposium 110. Singapore, New York & London: World Scientific Page, 1999. 349 p. [Электронный ресурс]. // URL: <https://doi.org/10.1142/4143> (дата обращения 08.08.2018).
10. Bassnett S. Transplanting the seed: poetry and translation. In Constructing Cultures: Essays on Literary Translation, Susan Bassnett & André Lefevere (eds). Clevedon: Multilingual Matters, 1998. P. 57 – 76.
11. Bly R. The Eight Stages of Translation. Boston, MA: Rowan Tree, 1983. 107 p.
12. Boase-Beier J. Poetry. In: Routledge Encyclopaedia of Translation Studies, Mona Baker & Gabriela Saldanha (eds). 2nd edition. London: Routledge, 2009. P. 194 – 196.
13. Folkart B. Second Finding: a Poetics of Translation. Ottawa: University of Ottawa Press, 2007. 562 p.
14. Hermans T. Translation in systems: descriptive and system-oriented approaches explained. Manchester: St. Jerome, 1999. 197 p.
15. Holmes J. S. Translated! Papers on Literary Translation and Translation Studies. Amsterdam: Rodopi, 1988. 117 p.
16. Honig E. The Poet's Other Voice. Amherst: University of Massachusetts Press, 1985. 232 p.
17. International Journal of English Language and Translation Studies. [Электронный ресурс]. // URL: <http://www.eltsjournal.org/index.html> (дата обращения 08.08.2018).
18. Jones F. R. Poetry Translating as Expert Action: Processes, Priorities and Networks. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2011. 214 p. [Электронный ресурс]. // URL: <https://doi.org/10.1075/bt1.93> (дата обращения 08.08.2018).
19. Koster C. From World to World: an Armamentarium for the Study of Poetic Discourse in Translation. Amsterdam & Atlanta: Rodopi, 2000. 261 p.
20. Landers C. E. Literary translation: a practical guide. Clevedon: Multilingual matters, 2001. 214 p.

21. Lefevere A. *Translating Poetry: Seven Strategies and a Blueprint*. Assen & Amsterdam: Van Gorcum, 1975. 127 p.
22. Levy I. *Art of Translation*. Moscow: Progress Publishing, 1974. 379 p.
23. Lotman Yu. The Content and Structure of the Concept of 'Literature'. // *PTL: a Journal for Descriptive Poetics and Theory of Literature*. 1976. № 1 (2). P. 339 – 356. [Электронный ресурс]. // URL: https://doi.org/10.1007/978-1-349-25934-2_22 (дата обращения 08.08.2018).
24. Osers E. Translation norms: do they exist? In *Translators' Strategies and Creativity*, Ann Beylard-Ozeroff, Jana Králová & Barbara Moser-Mercer (eds), 1998. P. 53 – 62.
25. Robinson D. *Becoming a Translator*. London and New York: Routledge, 1997. 318 p.
26. *Translation and Interpreting Studies*. [Электронный ресурс]. // URL: <https://benjamins.com/catalog/tis.13.2> (дата обращения 08.08.2018).
27. Venuti L. *The Translator's Invisibility. A History of Translation*. London: Routledge, 1994. 368 p.
28. Weissbort D. 1989 *Translating Poetry: The Double Labyrinth*. London: Macmillan, 1989. 234 p. [Электронный ресурс]. // URL: <https://doi.org/10.1007/978-1-349-10089-7> (дата обращения 08.08.2018).
29. Weissbort D., Eysteinsson A. *Translation – Theory and Practice: A Historical Reader*. Oxford: Oxford University Press, 2006. 672 p.